Ю. Г. БАРСЕГОВ

ГЕНОЦИД АРМЯН — ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

О ПРАВОМЕРНОСТИ ТЕРМИНА И ЮРИДИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

ЕРЕВАН „АЙАСТАН" 1990

ББК 67.91
Б 260

Барсегов Ю. Г.
Б 260 Геноцид армян — преступление против человечества: (О правомерности термина и юрид. квалификации). — Ер.: Айастан, 1990. — 31 с.

В брошюре известного советского юриста, доктора юридических наук Ю. Г. Барсегова дается юридическое обоснование квалификации геноцида армян как преступления против человечества. Впервые в истории такая квалификация была дана в Декларации главных союзных держав от 24 мая 1915 г.

Рассчитана на массового читателя

В программных документах, с которых началась перестройка в СССР, геноцид был официально осужден как тягчайшее международное преступление. Отметив, что «просвещенный» XX век вошел в историю с таким порождением империализма, как геноцид, М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК XXVII съезду КПСС изложил Основы всеобъемлющей системы международной безопасности, которыми в качестве условия мирного будущего и прогресса всех народов была предусмотрена необходимость «искоренения геноцида». Изуверская резня армян в Сумгаите, Баку и других местах Азербайджанской ССР, которая имела место через несколько лет после провозглашения этой программы, подтвердила, что в СССР задача предотвращения геноцида и наказания за него не менее актуальна, чем в других странах мира.

Острая и принципиальная борьба за усиление эффективности мер по искоренению геноцида из жизни общества путем его предотвращения и ликвидации всех его последствий, которая развертывается в современном мире как в рамках ООН, так и за ее пределами, опирается на международно-правовую квалификацию геноцида как преступления против человечества. Отсюда тот огромный теоретический и практический интерес к истории термина «геноцид» и его юридической квалификации. Отсюда тот огромный интерес к истории геноцида армян, который стал реальной фактической основой как для появления самого термина «геноцид», так и для его международно-правовой квалификации.

***

Геноцид армян — первое в новой истории человечества широкомасштабное международное преступление, совершенное с целью уничтожения целого народа по политическим мотивам. В соответствии с заранее разработанным планом все армянское население, без различия возраста и пола, было преднамеренно уничтожено на 9/10 территории его исторической родины. С беспримерной жесто-

костью, по сравнению с которой меркнут все известные в истории человеческой патологии случаи массовых убийств, были лишены жизни 2 млн. армян; около 800 тысяч человек бежало из страны, которую их предки населяли на протяжении тысячелетий. Сегодня потомки этих беженцев — 2 млн. 225 тыс. зарубежных армян, рассеянные в 84 странах мира[1], — находятся на положении «народа-изгнанника» и до сих пор испытывают последствия этого чудовищного преступления.

Организатором этого преступления было турецкое правительство. Оно осуществлялось при помощи армии, полиции, жандармерии и «Специальной организации» (Тешкилати махсуссе), созданной для этой цели по инициативе Центрального комитета правившей партии «Единение и прогресс» совместно с военным ведомством.

Действия турецкого правительства, отраженные в объективно констатируемых бесспорных фактах и подтверждаемые неопровержимыми документами и свидетельствами из самых различных источников, полностью соответствуют составу преступления геноцида и подпадают под его определение в международном праве в том виде, в каком оно дано в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

Хотя этот геноцид во всем мире с полным основанием рассматривают как «классический» и как «образцовый», те, кто выступают в качестве защитников организаторов и исполнителей этого преступления, по понятным всем причинам пытаются отрицать или извращать объективные и общеизвестные факты, прибегая к грубой и открытой фальсификации истории, выдвигая самые противоречивые, взаимоисключающие версии[2].

Скрыть от мира физическое уничтожение одного из древнейших народов мира, внесшего крупный вклад в развитие человеческой цивилизации, — задача, конечно, непосильная. Армения без армян — сама по себе представляет неопровержимое доказательство геноцида. Столь же мало перспективны попытки оправдать эти действия соображениями «государственной безопасности» и «правом на самосохранение», к которым прибегали и сами организаторы и исполнители этого преступления: они ясно и недвусмысленно отвергаются международным правом.

Понимая, конечно, всю несостоятельность своих «исторических»

1 «Вестник общественных наук», 1985, № 9 (513).

2 Как отмечает Пьер Видаль-Наке, официальное «государственное мнение» Турции по этому вопросу выражается следующим аллогизмом: «Геноцида армян не было; этот геноцид был полностью обоснован; армяне сами себя вырезали; это армяне вырезали турок» (Tribunal Permanent des Peuples le crime de silence le génocide des arméniens. Préface de Pierre Vidal-Naquet. Paris . Flammarion, 1984, p. 12-13).

аргументов, современные защитники организаторов и исполнителей геноцида армян на последнем рубеже своей ненадежной, шаткой обороны отступают под прикрытие «правовых» аргументов чисто формального характера. Они утверждают, что физическое уничтожение армян не может квалифицироваться как преступление геноцида, т. к. такого понятия в то время еще не было: сама квалификация соответствующих действий как преступления против человечества и, следовательно, их наказуемость были установлены Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, которая была принята в 1948 г. и вступила в силу только 12 апреля 1955 г. Ссылаясь на известный принцип, гласящий, что «закон обратной силы не имеет» и утверждая, что Конвенция эта не может распространяться на ранние случаи геноцида, пытаются исключить возможность международно-правовой оценки физического уничтожения армянского населения как геноцида, несмотря на полное соответствие установленных фактов составу этого преступления в том виде, как он был сформулирован в этой Конвенции. Все предельно просто и даже неотразимо с точки зрения тех, для кого международное право всего лишь средство для прикрытия преступления.

Отрицая правомерность юридической квалификации как преступления геноцида физического уничтожения турецким государством армянского населения подвластной ему Западной Армении в 1878—1922 гг., тем самым отрицают и правомерность квалификации как международного преступления геноцида и всех других случаев массового уничтожения национальных групп, совершенных до даты вступления в силу этой Конвенции. Иначе говоря, если квалификация действий, подпадающих под состав преступления геноцида, была бы обусловлена конвенционным признанием самого термина как условия sine qua non, то нельзя было бы называть геноцидом и все другие случаи геноцида, которые, как и геноцид армян, совершены до этой даты. Это в полной мере относится и к историческому факту уничтожения фашистской Германией 12 млн лиц славянского и еврейского происхождения в годы второй мировой войны на территории оккупированных ею стран Восточной Европы, поскольку в то время, когда осуществлялись эти акты геноцида, самого термина еще не было и соответствующие действия Германии, так же как в свое время действия Турции, определялись описательно как «массовое уничтожение» или «истребление».

Первым документом международного характера, в котором применяется термин «геноцид», был обвинительный акт от 18 октября 1945 г. против главных немецких военных преступников, представших перед Нюрнбергским военным трибуналом, но и он использовал этот термин post factum. Ни в самом Уставе Международного военного трибунала для суда над главными военными

преступниками европейских держав оси, ни в его приговоре от 1 октября 1946 г. слова «геноцид» вообще не содержится.

Так, Устав Международного военного трибунала, судившего главных военных преступников Германии и за акты геноцида, совершенные ими в отношении евреев и славянского населения оккупированных стран Восточной Европы, в перечне преступлений, подлежащих юрисдикции Трибунала, еще не применяет термин геноцид, хотя имеет в виду именно это преступление: пункт «с» статьи 6 указывает на «убийства, истребление, порабощение, ссылки и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам...»

Если обусловливать правомерность квалификации действий, подпадающих под состав этого преступления на формальном основании договорного признания термина, то тогда возможность такой квалификации пришлось бы ограничить не только актами геноцида, совершенными после принятия Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, но и кругом государств, подписавших и ратифицировавших ее. Юридическая и политическая нелепость такого предположения очевидна. Таким образом, вопрос о термине и связанный с ним вопрос о юридической квалификации актов геноцида, совершенных до принятия Конвенции, или же совершенных после ее принятия государствами, не подписавшими или не ратифицировавшими конвенцию, приобретает принципиальное значение. Соответственно и вопрос о квалификации геноцида армян, выходя далеко за его рамки, касается и других известных случаев геноцида.

Хотя термин «геноцид» был предложен польским юристом д-ром Рафаэлем Лемке после того, как был завершен процесс прямого физического уничтожения армянского населения во всей Западной и на части Восточной Армении, на самом деле как сам термин, так и определение состава этого преступления тесно связаны именно с геноцидом армян.

Очевидно, что д-р Лемке не изобрел нового преступления, а лишь подобрал наиболее точный термин для обозначения существовавшего уже понятия о преступном нарушении норм международного права, направленном на уничтожение целых национальных групп людей как таковых. Как отмечается в специальном исследовании ООН по этому вопросу, «слово геноцид появилось сравнительно недавно как неологизм, обозначающий старое преступление»[1]. Элементарная логика подсказывает, что не термин, каким

[1] Комиссия по правам человека. Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Пересмотренный и обновленный доклад по вопросу о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, подготовленный г-ном Б. Уайтекером. Док. ООН: E(CN. 4) Sub. 2(1985)6, с. 9.

бы удачным он ни был, создает преступление, а преступления ведут к принятию термина. Очевидно, что термин «геноцид» мог появиться только после того, как имели место эти преступления. Именно поэтому уже в 1933 г., т. е. спустя всего лишь 10 лет после геноцида армян, когда ужасы этого преступления были живы в памяти человечества, д-р Лемке, еще не имея подходящего термина, дал описание элементов этого преступления. В специальном докладе, представленном на Пятой конференции по унификации международного уголовного права, состоявшемся в Мадриде 14—20 октября 1933 г., Лемке внес предложение об объявлении действий, направленных на уничтожение или разрушение расовых, религиозных или социальных групп, варварским преступлением по международному праву — delicta juris gentium[1].

Единственное крупномасштабное преступление, которое д-р Лемке мог иметь в 1933 г. в качестве реальной основы предложенного им определения и которое содержало состав преступления геноцида, было уничтожение армянского населения порабощенной Турцией части Армении. Приход фашистов к власти заставил вспомнить кровавые дела их предтеч — младотурок. Стало очевидно, что если человечество не сделает должных выводов и не примет необходимых мер пресечения, за геноцидом армян последуют новые акты геноцида[2].

Что же касается самого термина «геноцид», то он был найден д-ром Лемке позднее — в 1944 году, т. е. спустя почти десять лет после описания самого этого преступления[3]. Как и описание этого

[1] Автор доклада считал, что такие действия должны вменяться в вину, как представляющие собой два правонарушения, которые, преследуя цель ликвидации такой группы лиц, используют для этого различные средства: акт варварства, который выражается в посягательстве на жизнь людей или же подрыве экономической основы существования данной группы лиц, и акт вандализма, выражающийся в уничтожении культурных ценностей путем: а) передачи детей одной группы людей другой группе; б) принудительного и систематического изъятия характерных элементов культуры данной группы лиц; в) запрещения употреблять родной язык даже в личных отношениях; г) систематического уничтожения книг на языке группы, разрушения музеев, школ, исторических памятников, культовых и других учреждений, культурных объектов группы или же запрещения пользоваться ими. Лемке выступил за заключение международной конвенции, предусматривающей наказание за подобные акты и пресечение их (Lemkin R. Les actes créant un danger général (interétatique) considérés comme délits de droit des gens. Paris, Pedon, 1933).

[2] В этой связи напомним, что и известная книга австрийского антифашиста Ф. Верфеля «Сорок дней Муса-дага», заклеймившая геноцид армян, была написана с целью предостережения человечества от новых актов геноцида.

[3] Lemkin, Raphael. Axis Rule in Occupied Europe. Washington. Carnegie Endowment for International Peace. 1944. См. также его статьи: Génocide— A

преступления, подбор для него адекватного термина также был тесно связан с физическим уничтожением армян турецким государством. Еще до того, как Р. Лемке предложил термин «геноцид», образованный из греческого «genos» (раса, нация или племя) и латинского «cide» (убивать) и означавший дословно «убийство нации», весь мир единодушно квалифицировал действия турецкого правительства в отношении армян как преднамеренное «убийство целой нации», как «истребление целого народа», как «разрушение», «уничтожение» армянского народа. Такие определения действий турецкого правительства по отношению к армянам содержатся в многочисленных источниках — самых различных по характеру и по национальной принадлежности. Тут и сообщения прессы, и частные письма очевидцев, и донесения разведки, и заявления общественных и политических деятелей, и акты государств. Это отмечают и противники Турции, это признают и ее союзники. Это признают, а вернее — признавали и сами турецкие правители, турецкий суд, турецкая пресса и т. д.

Так, например, уже в 1915 г. официальный историк Великобритании и один из наиболее авторитетных представителей западной историографии — Арнольд Тойнби, описал происходившие при нем события в Армении на основе документальных первоисточников в книге с выразительным и исчерпывающим названием «Убийство нации»[1]. В то же время лорд Брайс, выступая в Палате лордов, сказал: «Почти что целая нация была уничтожена, и я думаю, что истории не известны подобные случаи со времен Тамерлана»[2]. В секретном сообщении агента № 1 английской разведывательной службы от 11 августа 1915 г. в качестве вывода сообщается: «Турки грубо и методично осуществляют уничтожение всей армянской расы»[3].

Французский современник этих событий Ренэ Пинон в 1916 г. определил действия турецкого правительства как «уничтожение армян»[4]. Великий французский писатель Анатоль Франс определял

Modern Crime.— "Free World". 9 (April 1949), p. 39-43; Genocide.— "The American Scholar", 15. 2 (Spring 1946), 227-230; Genocide as a Crime under International Law.— "American Journal of International Law", XLI (1947), p. 145-171; Genocide as a Crime under International Law.— "United Nations Bulletin". IV (1948), p. 70-71.

[1] **Arnold J. Toynbee.** Armenian Atrocities. The Murder of a Nation. New-York-London, 1915.

[2] "The Times", October 7, 1915.

[3] Les Grandes Puissances, l'Empire Ottoman et les Arméniens dans les Archives Françaises (1914-1918). Documents réunis et présentés par A. Beylerian. Publications de la Sorbonne. Paris 1983, № 64.

[4] **René Pinon.** La Supression des Arméniens. Méthode allemande-travail turc. Paris, 1916.

как «удушение целого народа» то, что делало с армянами правительство султана Абдул-Гамида, и как «уничтожение этого народа» — действия младотурецкого правительства в годы первой мировой войны[1]. Видный деятель революции С. М. Киров клеймил позором намерение турок «истребить все армянское население»[2].

Такая оценка событий разделялась и мировой прессой. Так, 9 сентября 1915 г. газета «Журналь де Женев» в редакционной статье отмечала, что «происходит грубое и систематическое истребление целого народа... Сегодня речь идет об уничтожении целого народа на всей территории Османской империи, повсюду, где бы ни проживали его представители»[3]. Другая швейцарская газета — «Базлер Нахрихтен» — квалифицировала действия турецкого правительства как «планомерное» «истребление целого народа», осуществляемого с помощью созданной для этого «подлейшей и жесточайшей системы уничтожения»[4].

Такое же определение действий турецкого государства в отношении армян как «убийства целого народа» давалось в целом ряде официальных актов. Так, премьер-министр и министр иностранных дел Франции в письме сенатору Луи Мартену от 14 октября 1916 г. официально подтвердил, что французское правительство «осудило преступления младотурок и вынесло на суд человеческой совести их чудовищный план уничтожения целого народа, виновного в их глазах в том, что он любил прогресс и цивилизацию»[5].

Такого рода примеры можно было бы продолжать без конца, но и приведенных достаточно, чтобы убедиться, что в этих общепринятых оценках в конкретной форме присутствовали основные элементы определения: «убийство целой национальной группы». Достаточно сравнения этих определений с термином «геноцид», предложенным Р. Лемке, чтобы убедиться в том, что этот термин представляет собой всего лишь греко-латинскую кальку именно с этого общепризнанного определения преступления, совершенного турками и через двадцать лет повторенного их учениками — гитлеровскими нацистами. Поэтому можно с полным основанием утверждать, что физическое уничтожение армянской нации в Турции, как первый широкомасштабный геноцид XX в., стал непосредственной реальной основой для появления и утверждения этого термина и определения состава самого преступления.

Об этом прямо, не оставляя места для каких-либо сомнений, говорит сам д-р Лемке в своей автобиографии: «В 1915 году немцы

[1] "La Revue des Amitiés franco-étrangères", № 4, mai-juin 1916, p. 33-35.

[2] «Терек» (Владикавказ), 14 февраля 1916 г., № 5417.

[3] "Journal de Genève", 9. IX. 1915.

[4] "Basler Nachrichten", 16. IX. 1915.

[5] Les Grandes Puissances, l'Empire Ottoman et les Arméniens..., № 281, p. 260-261.

оккупировали В[аршаву] и весь район. Я использовал это время для изучения истории. Я следил, не уничтожаются ли национальные, религиозные или расовые группы. Правда пришла только после войны[1]. В Турции 1.200.000 армян было убито только за то, что они были христианами». По признанию Лемке, он был потрясен полным отсутствием правосудия, полной безнаказанностью этого преступления: «После окончания войны около 150 турецких военных преступников были арестованы и интернированы британским правительством на острове Мальта. Армяне послали делегацию на мирную конференцию в Версале. Они требовали правосудия. Но в один из дней делегация прочитала в газетах, что все турецкие военные преступники были освобождены. Я был потрясен. Нация была убита, а виновные в этом люди были освобождены. Почему наказывают отдельную личность, когда один человек убивает другого? Почему убийство миллиона людей должно быть меньшим преступлением, чем убийство одного человека?»

Р. Лемке прямо и недвусмысленно пишет, что именно геноцид армян побудил его посвятить свою жизнь борьбе с преступлением геноцида. Снова обратимся к автобиографии: «Все больше и больше я солидаризировался со страданиями жертв, чье число возрастало по мере того, как я продолжал изучать историю. Я понял, что функция памяти состоит не только в том, чтобы регистрировать прошлые события, но стимулировать человеческую совесть. Вскоре последовали современные образцы геноцида, такие, как избиения армян в 1915 году. Мне стало ясно, что существование различных наций, религиозных групп и рас необходимо для цивилизации, так как каждая из этих групп должна осуществить свою миссию и внести свой вклад в развитие культуры... Я решил стать юристом и работать для того, чтобы поставить геноцид вне закона и чтобы государства сотрудничали в его предупреждении».

Более того, в связи с выработкой и принятием Конвенции по предупреждению преступления геноцида и наказания за него Р. Лемке поставил перед собой прямую цель — добиться, чтобы Турция ратифицировала ее в числе первых, хотя и сознавал, с какими трудностями он столкнется: «В моем сознании созрел смелый план. Он состоял в том, чтобы Турция ратифицировала Конвенцию в числе двадцати ее первоначальных участников. Это было бы искуплением за геноцид армян. Но как добиться этого?... Турки гордятся своей республиканской формой правления и прогрессивными идеями, которые помогли им заменить правление Оттоманской империи. Конвенция о геноциде должна быть поставлена в

[1] Германия, как известно, была союзницей Турции в войне, и германские оккупационные власти осуществляли жесточайшую цензуру в отношении событий в Армении. Официальные документы германского правительства были опубликованы только после окончания войны.

рамки социального и международного прогресса. Я знал, однако, что в этом разговоре обе стороны вынуждены будут избегать упоминания одного предмета, хотя он постоянно будет в их сознании: армяне!»[1].

И хотя в годы второй мировой войны Р. Лемке вместе с другими польскими евреями сам стал жертвой геноцида и потерял 49 членов своей семьи, события эти не затмили в его сознании ужасы геноцида армян[2]. Вводя в оборот термин «геноцид», Р. Лемке имел в виду и геноцид армян турками в Османской империи, и геноцид славянского населения и евреев оккупированных стран Европы.

Вполне закономерно, что уже в самые первые годы появления термина «геноцид» в доктрине международного права и еще до того, как он был воспринят в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, в специальной литературе была отмечена правомерность его применения к факту физического уничтожения армянского народа турецким государством. В статье «Начало геноцида», впервые опубликованной на языке идиш и позднее — в 1948 г. переведенной на английский язык[3], Джозеф Гуттман пишет, что корни этого преступления восходят к геноциду армян:

«Специальный научный термин геноцид был изобретен для того, чтобы характеризовать организованную попытку уничтожения целой этнической группы. Кто-то мог подумать, что в новое время такого преступления еще не было, но это неправильно. Нацисты организовали массовое убийство в неслыханном масштабе с беспрецедентной «научной» жестокостью, но уже до этого в наш «просвещенный» век имела место грандиозная попытка уничтожить целую нацию. Она имела место если не прямо в Европе, то у самых

[1] The Raphael Lemkin Papers, N. Y. Public Library. Выдержки опубликованы в материалах слушания в сенате США Crime of genocide. Hearing before the Committee on foreign relations, United States Senate, Ninety-Ninth Congress, First Session on the privention and punishment of the crime of genocide. March 5, 1985. Wash. 1985, p. 204.

[2] 26 июля 1950 г. в письме Тельме Стивенс он писал: «Эта Конвенция — вопрос совести и испытание нашего личного отношения к злу. Я знаю, что в июле и августе слишком жарко, чтобы работать, но не желая быть сентиментальным или прибегать к цветистым фразам, все же скажу: давайте не будем забывать, что жара этого месяца не так тяжела для нас, как жара печей Аушвица и Дахау или убийственная жара пустыни Алеппо, которая испепелила тела сотен тысяч армян-христиан — жертв геноцида 1915 года». (Ibid., p. 203-204).

[3] **Joseph Guttman.** The beginnings of genocide. A brief account of the Armenian massacres in World War I. New York 1948. Оригинальный текст опубликован в изд: "Yivo Bleter. Journal of Yiddish Scientific Institute", vol. XXVIII, № 2.

ее ворот, а ее жертвами были не члены «диких племен», а цивилизованный христианский народ. Если методы убийства, в сравнении с «научной» эффективностью нацистов, кажутся довольно примитивными (газовые камеры в то время еще не были известны), мы тем не менее видим там все элементы, которые позднее были «усовершенствованы» нацистами: был хорошо подготовленный план действий; координированные операции всей администрации, направлявшиеся обладавшей сильной властью партийной машиной; стимулированное правительством подстрекательство толпы к насилию; убийство всех мужчин, которые могли бы оказать сопротивление; разрушение семей, отделение мужчин от женщин, детей от родителей; массовые депортации в условиях, при которых большинство депортированных погибли в пути; ликвидация оставшихся в живых в отдельных районах в концентрационных лагерях или во время «маршей смерти». Некоторые читатели уже конечно догадались, что я имею в виду турецкие зверства в отношении армян тридцать лет назад»[1].

Примечательно, наконец, и то, что все международные акты, введшие термин «геноцид» в оборот, прямо указали, что это определение применимо и ко всем известным случаям разрушения и уничтожения национальных групп. Так, Генеральная Ассамблея ООН уже в резолюции 96(I), принятой на первой сессии 11 декабря 1946 г., отметив, что «геноцид означает отказ в признании права на существование целых человеческих групп подобно тому, как человекоубийство означает отказ в признании права на жизнь отдельных человеческих существ» и подтвердив, что «геноцид, с точки зрения международного права, является преступлением, которое осуждается цивилизованным миром, и за совершение которого главные виновники и соучастники подлежат наказанию независимо от того, являются ли они частными лицами, государственными должностными лицами или государственными деятелями, и независимо от того, совершено ли преступление по религиозным, расовым, политическим или каким-либо другим мотивам», прямо и определенно относит к этой категории международных преступлений все предшествовавшие случаи: «Можно указать, — говорится в резолюции, — на многочисленные преступления геноцида, когда полному или частичному уничтожению подверглись расовые, религиозные, политические и прочие группы»[2]. Сама Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, отмечая в преамбуле, что «на протяжении всей истории геноцид приносил большие потери человечеству», подтверждает правомерность квалификации в качестве геноцида всех действий, подпадающих под

[1] Op. cit., p. 3.

[2] Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии с 23 октября по 15 декабря 1946 г., с. 140.

описанный ею состав этого преступления. То, что и до ее принятия и вступления в силу геноцид рассматривался как преступление по международному праву со всеми вытекающими из этого последствиями, следует из ясно выраженных слов этой конвенции, в статье I которой стороны (в том числе и сама Турция) «подтверждают», а не устанавливают, что геноцид «является преступлением, которое нарушает нормы международного права и против которого они обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение».

И в дипломатической практике, и в научной литературе сегодня термином геноцид квалифицируются не только геноцид армян, но и все другие случаи геноцида, имевшие место до утверждения этого термина. Достаточно в этой связи сослаться на специальные доклады по вопросу о предупреждении геноцида и наказании за него, подготовленные по заданию Подкомиссии по предотвращению дискриминации и защите меньшинств Никодемом Рухашианкико (Руанда) в 1978 году и Беном Уайтекером (Англия) в 1985 году[1].

Очевидно, что суть вопроса сводится не столько к самому термину, сколько к его правовому содержанию: с оценкой разрушения национальной группы, физического уничтожения целого народа связаны юридическая квалификация этих действий как тягчайшего международного преступления против человечества и, как неизбежное следствие этого, постановка вопроса об уголовной ответственности физических лиц, совершивших эти наказуемые по международному праву деяния, и, что еще более важно, вопроса о моральной, политической и международно-правовой ответственности государства, совершившего геноцид, о восстановлении попранных прав народа, ставшего его жертвой[2].

Отрицая правомерность юридической квалификации как международного преступления всех актов геноцида, совершенных до вступления в силу Конвенции о предупреждении преступления

[1] Док. E/CN.4/Sub.2/416; E/CN.4/Sub.2/1985/6.

[2] **Jean Graven.** Les crimes contre l'humanité.—**Académie de droit international.** La Haye. Recueil des cours. 1950, vol. 1. p. 478; **Stefan Glaser.** Introduction à l'étude du droit international pénal. **Bruxelles.** Etablissement Emile Bruyant, 1954, p. 109. **Левин Д. Б.** Ответственность государств в современном международном праве. М.: Межд. отношения, 1966, с. 100—101 и др.; **Василенко В. А.** Ответственность государств за международные правонарушения. Киев, 1976, с. 171—173, 189—191; **Курис П. М.** Международные правонарушения и ответственность государств. Вильнюс, 1973, с. 131—136; **Мазов В. А.** Ответственность в международном праве. М.: Юрид. литература, 1979, с. 82—90; **Ушаков Н. А.** Основания международной ответственности государств. М.: Межд. отношения, 1983, с. 138—144; **Межинский В. И.** Перед судом мирового сообщества. В кн.: Геноцид. М.: Прогресс, 1985, с. 181—183, 188—191.

геноцида и наказании за него, и утверждая, будто сама наказуемость этого преступления была установлена этой Конвенцией, определенные силы хотят прервать действие причинно-следственной связи между преступлением и наказанием, пытаются не допустить постановки вопроса об уголовной ответственности виновных физических лиц — организаторов и исполнителей этого преступления и международно-правовой ответственности самого государства.

То обстоятельство, что при перечислении действий, квалифицируемых как преступление против человечества, Устав Международного Военного Трибунала еще не применяет самого термина «геноцид», никоим образом не может вызывать сомнение, что этот документ имел в виду именно то преступление, которое стало называться геноцидом. Отрицание, в частности, того несомненного факта, что содержащееся в Уставе трибунала определение включает и преступление геноцида, хотя самого термина тогда еще не было, могло бы привести к чудовищному и ничем не обоснованному выводу, что либо Устав Международного Военного Трибунала не включил геноцид в компетенцию Трибунала, либо Трибунал не осудил акты геноцида, совершенные гитлеровской Германией. Очевидно, что оба предположения несостоятельны. Преступление геноцида охватывалось Уставом, и Трибунал по праву сурово осудил фашистских руководителей Германии за это преступление.

Следовательно, международное право признает наказуемость всех актов преступлений геноцида, совершенных до вступления в силу Конвенции по предупреждению преступления геноцида и наказании за него. Судебное преследование и наказание главных военных преступников на Нюрнбергском процессе не были произвольным осуществлением власти со стороны государств-победителей. Правомочия Нюрнбергского трибунала в отношении преступлений, совершенных до принятия и вступления в силу Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, основывались на признании геноцида преступлением против человечества на основе обычных норм международного права. Именно на основании действовавших уже до принятия этой Конвенции обычных норм и принципов международного права осуществлялось преследование и устанавливалась мера наказания за это международное преступление. Тогда, как и теперь, международное право исходило из того, что действия, посягающие на основы существования и препятствующие нормальному развитию таких человеческих групп, как нации и народы, представляют особую опасность для человечества и должны рассматриваться как международные преступления или как преступления против человечества и человеческой цивилизации. Именно поэтому международное право исходило из того, что государства, совершившие такого рода преступления, несут особую международно-правовую ответственность, а физические лица — уголовную ответственность.

Эти принципы и нормы международного права, воплощенные в Уставе Международного военного трибунала, нашли свое выражение в вынесенном им приговоре. Для наказания военных преступников и признания ответственности германского государства за акты геноцида не имело значения то обстоятельство, что Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него была принята уже после завершения Нюрнбергского процесса, а в Уставе Международного военного трибунала термин «геноцид» еще не применялся и о его наказуемости как «преступления против человечества» не говорилось. Считалось достаточным признание наказуемости по международному праву тех составляющих содержание геноцида действий, которые перечислялись в ст. 6 Устава Международного военного трибунала. По смыслу этой статьи подлежали наказанию перечисленные в ней преступления, включая такие преступления против человечества, как «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам».

Хотя к юрисдикции самого Трибунала относились лишь те из них, которые были совершены «с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подпадающим под юрисдикцию Трибунала», квалификация актов геноцида, совершенных до 1939 г., как международного преступления очевидна. Таким образом, рассматривались как международное преступление убийства фашистами немецких евреев, а также евреев и лиц иной национальности из стран, воевавших на стороне Германии, хотя они не считались подпадающими под юрисдикцию трибунала[1].

То, что геноцид рассматривался как разновидность преступления против человечества еще до принятия Устава Международного военного трибунала и Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, подтверждается и национальной судебной практикой — материалами процессов над лицами, виновными в совершении преступления геноцида в судах ряда стран.

В виде примера можно было бы сослаться на обвинительный акт и приговор Военного трибунала США в Нюрнберге по делу Йозефа Альтштоттера и других. Обвинительный акт следующим образом включает геноцид в определение преступлений против человечества: «В период между сентябрем 1939 г. и апрелем 1945 года указанные обвиняемые сознательно, незаконно и по доброй воле совершили преступления против человечества, предусмотренные законом № 10 Контрольного совета, в качестве исполнителей, пособников или добровольных соучастников, вовлеченных путем

[1] **Броунли Я.** Международное право. Кн. II Изд-во «Прогресс». М., 1977 с. 255.

обмана или подстрекательства; все они были связаны с планами и мероприятиями по совершению зверств и преступлений, включающих, в частности, убийства, истребления, похищения, депортацию, незаконные аресты, истязания, преследования в связи с расовой или религиозной принадлежностью, жестокое обращение и другие бесчеловечные акты против гражданского населения Германии и граждан оккупированных стран»[1].

Квалификация геноцида как разновидности преступления против человечества содержится и в главном пункте обвинения по делу Ульриха Грейфельда и др. в Военном трибунале США в Нюрнберге. Указывается, что «обвиняемые совершили преступление против человечества», совершив убийства, истребления, порабощение, депортацию, аресты, истязания, преследования на почве расовой и религиозной принадлежности и другие бесчеловечные и преступные деяния, которые «явились составной частью общего плана геноцида, предусматривающего систематическое истребление народов и этнических групп путем их физического уничтожения, а также путем разрушения и уничтожения их национальной специфики»[2].

В приговоре Иерусалимского окружного суда по делу нацистского преступника Эйхмана, вынесенном 12 декабря 1961 г., суд указал, что совершенное им преступление против еврейского народа, составляя преступление геноцида, является одним из тягчайших преступлений против человечества[3].

В связи с вопросом о международно-правовой квалификации геноцида как наказуемого международного преступления, примечательно мнение Военного трибунала США в Нюрнберге, высказанное в 1947 г., то есть тогда, когда в Генеральной Ассамблее ООН вопрос о необходимости принятия специальной конвенции о геноциде только начали рассматривать. Давая оценку резолюции Генеральной Ассамблеи 180(II), Трибунал отметил, что признание в этом документе геноцида международным преступлением, влекущим за собой национальную и международную ответственность отдельных лиц и государств, авторитетно отражает отношение к нему мирового общественного мнения[4].

Особую ценность для понимания существовавшей правовой ситуации имеет известное консультативное заключение Международного суда от 28 мая 1951 г, по вопросу об оговорках к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, в котором Суд ясно и недвусмысленно отметил, что «принципы, на которых основана Конвенция, являются принципами, признанными цивилизованными нациями обязательными для всех государств вне всякой связи с Конвенцией»[1].

Из заключения Международного суда ООН следует, что геноцид представляет собой такое преступление, предотвращение, пресечение и наказание за которое составляли и составляют обязанность любого из государств мира независимо от его участия или неучастия в Конвенции и независимо от того, были ли акты геноцида совершены до или после ее заключения и вступления в силу.

И если признается правомерность и юридическая обоснованность применения действовавших уже до вступления в силу Конвенции норм международного права к оценке действий фашистской Германии в отношении евреев и славянского населения Восточной Европы, то столь же очевидно и также бесспорно, что эти же нормы международного права были применимы и к оценке идентичных по содержанию действий турецкого государства в отношении армян. Это подтверждается не только логическим умозаключением по аналогии, в силу полного сходства правовой ситуации, но и конкретным международно-правовым инструментарием, прямо и непосредственно относящимся к геноциду армян.

Значение соответствующих международно-правовых актов, принятых в связи с геноцидом армян, выходит далеко за рамки этого конкретного преступления — геноцида армян, и имеет огромное значение для международно-правовой квалификации актов геноцида вообще. В этой связи следует указать, что только незнанием о существовании этого материала можно объяснить исторически ошибочное утверждение одного из упомянутых выше докладчиков Подкомиссии по предотвращению дискриминации и защите меньшинств Никодема Рухашанкико, будто «история понятия геноцида как международного преступления начинается с момента разработки устава Международного военного трибунала в Нюрнберге»[2].

В действительности же именно в связи с геноцидом армян впервые в истории, задолго до принятия резолюций Генеральной Ассамблеи ООН 96(I) от 11 декабря 1946 г., 180(II) от 21 ноября 1947 г. и 260 (III) от 9 декабря 1948 г. и заключения Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него в официальных международных актах, а затем и в доктрине международного права была дана исчерпывающая юридическая квали-

---

[1] Law Reports of Trials of War Criminals. Selected and Prepared by the United Nations War Crime Commission. London, H. M. Stationery Office. Vol VI. (1948), Case № 35, p. 4. 32, 75. 99.

[2] Ibid., Vol. XIII (1948), p. 2-3.

[3] См. Бюллетень по международному праву. Изд-во Е. Лаутерпахт, Лондон, 1968, том 36, с. 233.

[4] Law Reports of Trials of War Criminals. Selected and Prepared by the United Nations War Crime Commission. Vol. XI (1948), p. 48.

[1] Réserves à la Convention sur le génocide. Avis consultatif. C. I. J. Recueil., 1951, p. 15.

[2] Исследование по вопросу о предупреждении преступления геноцида и наказании за него; E/CN.4/Sub.2/416, п° 22, с. 5.

фикация действий, составляющих геноцид, как «преступления против человечества» и была сформулирована идея наказуемости этого преступления, идея личной уголовной ответственности членов турецкого правительства за его организацию и осуществление.

До этого, на протяжении десятилетий, мир характеризовал акты геноцида армян и других народов, подвластных турецкой империи, как «резню», «массовые убийства», «зверство», «варварство», попирающие человеческое достоинство, несовместимые с элементарными представлениями о праве и морали. Такие оценки отражали нечеловеческую жестокость методов, применявшихся организаторами и исполнителями этих преступлений, и силу страданий жертв этих насилий. И хотя такие определения, как «зверства», «жестокость» и т. п. применялись и на Нюрнбергском и других процессах в отношении актов геноцида, совершенных нацистскими преступниками, они выражали скорее морально-этическую оценку характера преступных действий, но не раскрывали всего юридического содержания этого преступления как посягательства на само человечество.

Важную, хотя до сих пор еще не получившую должного признания историческую роль в четкой юридической квалификации фактов уничтожения целых национальных групп как наказуемого преступления против человечества сыграла Россия и русская доктрина международного права. И впервые в истории геноцида такая квалификация был дана применительно к всеобщему уничтожению армянского населения турецким государством.

В условиях, когда правительство Османской империи уже приступило к заключительной стадии геноцида армян — к реализации заранее разработанного плана их полного и повсеместного физического уничтожения сперва в пределах подвластной ей Западной Армении, а потом и в смежных областях Восточной Армении, Россия, стремясь пресечь это преступление угрозой неотвратимости возмездия, выступила с инициативой совместного демарша главных союзных держав. Непосредственная цель русской инициативы состояла в том, чтобы остановить турецкое правительство и тем спасти армянский народ. Этим определяется как время этой инициативы, так и та срочность, с которой Россия добивалась ее реализации.

26 апреля (12 апреля старого стиля) 1915 г. министр иностранных дел России направил телеграмму послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу с поручением «предложить французскому (английскому) правительству опубликовать совместно с нами и с Англией (Францией) обращение к Порте, в котором личная ответственность за избиение армян возлагалась бы на всех членов турецкого Совета министров, а также всех гражданских и военных должностных лиц, прикосновенных к этим событиям». В телеграмме указывалось также, что «в обращении можно было бы напомнить о репрессивных мерах, принятых Европой в 1860 году,

после резни в Сирии». Эта ссылка в виде прецедента на акт гуманитарной интервенции, предпринятой официально в интересах предотвращения новой резни христиан-маронитов турками[1], очевидно, должна была служить указанием на гуманитарный характер возможных ответных акций.

Послам поручалось, в случае согласия английского и французского правительств с этим предложением, «условиться относительно текста обращения, которое желательно было бы опубликовать как можно скорее и в один и тот же день в трех странах»[2].

В тот же день послы довели соображения своего правительства до министров иностранных дел Франции и Англии — Делькассе и лорда Грея, изложив суть предложения в памятных записках. Ввиду срочности вопроса французский министр иностранных дел Делькассе направил в ночь на 27 апреля телеграмму послу Франции в Лондоне Полю Камбону, в которой он, сообщая, что «не видит возражений» к принятию русского предложения, просил выяснить мнение английского правительства и его согласие «возложить подготовку текста на русское правительство»[3].

Рассматривая совместную декларацию главных союзных держав и параллельно предпринимавшиеся усилия по оказанию воздействия на турецкое правительство при помощи нейтральных государств с целью спасения армянского народа не как альтернативы, а как взаимно дополняющих средств, Россия предложила французскому и английскому правительствам добиваться, чтобы правительства США и Италии также потребовали от турецкого правительства прекращения резни армян. Министр иностранных дел Англии Грей поручил английским послам в Риме и Вашингтоне поддержать усилия русского посла. Такие же инструкции были даны своим послам французским министерством иностранных дел.

Срочная необходимость и значение совместной декларации резко возрастали по мере того, как становилась очевидной неэффективность заступничества США. Уже 5 мая 1915 г. посольство России в Париже сообщает местному министерству иностранных дел, что в связи с поступлением новых сообщений о резне армян и «ввиду неэффективности вмешательства американского посла, ко-

---

1 Этот случай до сих пор рассматривается в литературе международного права как «пример акции, совершенной из подлинно гуманных соображений» (**Броунли Я.** Международное право. Кн.: II (перев. с англ.). М., Прогресс 1977, с. 258.

2 Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов под редакцией М. Г. Нерсисяна. Второе, дополненное издание. Ереван, 1983, № 146, с. 280. См. также: Les Grandes Puissances, l'Empire Ottoman et les Arméniens... № 18, p. 14-15.

3 Les Grandes Puissances, l'Empire Ottoman et les Arméniens..., № 19, p. 15.

торый ограничился призывом к османскому правительству взять «под защиту» армян», российское правительство считает необходимым срочно опубликовать предложенное Сазоновым коллективное заявление Порте в соответствии с памятной запиской имперского посольства от 26 апреля 1915 г.»[1].

10 мая 1915 г. русский посол в Лондоне Бенкендорф снова справился у А. Никольсона о результатах контактов с правительствами США и Италии. Изучение телеграмм, полученных английским министерством иностранных дел, показало, что «очень неясные переговоры, по-видимому, не дают ожидаемого результата». Тогда русский посол прямо спросил у английского министра иностранных дел, согласится ли он, чтобы союзные державы опубликовали «декларацию, которая возложила бы на турецкое правительство ответственность за насилия над армянами»[2].

Настойчивость русского посла была, конечно, не случайной. Она объяснялась явным нежеланием английской дипломатии закрывать пути для традиционной политики сговора с турецкой империей по армянскому вопросу. В данном случае это проявилось в поведении А. Никольсона, который «заметил, с одной стороны, что армяне, похоже, находятся в состоянии восстания против турецкого правительства, а с другой стороны, что публикация такого манифеста представляет ненужную демонстрацию, из которой армяне не извлекут для себя никакой пользы»[3].

Этот алогичный тезис, что оставлять жертв геноцида без поддержки, на произвол их убийц — в их же интересах, применялся английской дипломатией и раньше. По нечистоплотным политическим соображениям она будет обращаться к нему неоднократно и в дальнейшем. Сейчас же Никольсон ограничился обещанием передать сообщение русского посла Грею.

Дело, однако, не терпело затяжки. Адская машина истребления людей была уже запущена. Каждый день мог стоить жизни тысячам людей. Поэтому, не дожидаясь ответа, уже на следующий день — 11 мая 1915 г., русские послы в Париже и Лондоне передали на рассмотрение кабинетов этих стран текст декларации, предложенный российским министром иностранных дел Сазоновым:

«В течение всего последнего месяца в Армении происходит резня армян курдами и турками при явном попустительстве, а иногда и при прямом содействии оттоманских властей. В половине апреля н. ст. резня армян имела место в Эрзеруме, Дергане, Эгине, Акне, Битлисе, Муше, Сасуне, Зейтуне и во всей Киликии; поголовно вырезаны жители сотен деревень в окрестностях Вана; в самом

[1] Ibid., № 22, p. 17-18.
[2] Ibid., № 28, p. 22.
[3] Ibid., № 28, p. 23.

Ване армянский квартал осажден курдами. В то же время константинопольское турецкое правительство подвергает арестам и небывалым притеснениям мирное армянское население. Ввиду новых преступлений, совершаемых Турцией против христианства и цивилизации, союзные правительства сим публично объявляют Порте, что они возлагают личную ответственность за эти преступления на всех членов турецкого правительства, а также на тех его местных представителей, которые окажутся причастными к резне армян»[1].

Послы просили сообщить, согласны ли соответствующие правительства с предложенной редакцией декларации и просили указать приемлемую дату ее публикации.

Первым ответило английское правительство. Государственный секретарь по иностранным делам Грей сообщил российскому министерству иностранных дел о своем согласии с предложенным текстом декларации и о готовности опубликовать его в Лондоне, как только французское правительство даст свое согласие. По указанию Грея английский посол в Париже ноты от 19 мая 1915 г. сообщил об этом французскому министру иностранных дел[2].

Однако французское правительство предложило серьезную редакционную правку терминологического характера, имевшую отношение к определению характера преступления. Дело в том, что в первоначальном проекте декларации преступлению геноцида армян давалась правовая оценка с христианско-этических позиций. Объяснялось это прежде всего тем, что само турецкое правительство, объявив армянам джихад, проводило геноцид под прикрытием ислама. С другой же стороны, в эпоху европоцентризма само международное право рассматривалось как право «христианских» или «цивилизованных» государств Европы. Мировая война и последовавшие за ней события стали важным этапом на пути отказа от такого европоцентристского подхода, и это нашло отражение в пересмотренном тексте рассматриваемого документа. При ознакомлении с французским текстом министр иностранных дел этой страны собственноручно заменил слова «против христианства» словами «против человечества».

Вместе с тем следует отметить, что авторы текста, говоря о том, что геноцид армян является преступлением «против христианства», не просто или не только отдавали дань традиции. Они, вероятно, вкладывали в эту оценку определенную дипломатическую нагрузку, ориентированную на общественное мнение двух нейтральных государств — Италии и США, в которых религиозный фактор играл существенную роль. Затрагивая религиозную струну, они хотели, очевидно, воздействовать на правительства этих стран,

[1] Ibid., № 29, p. 23.
[2] Ibid., № 33, p. 25-26; № 34, p. 26.

чтобы они предоставили гуманитарным соображениям приоритет перед их корыстными меркантильными или политическими интересами. Вероятно, определенную роль играло и желание воздействовать на христианские чувства населения Германии, кайзеровское правительство которой фактически действовало в роли соучастника турецкого правительства.

Конечно, такой религиозно-этический подход к оценке геноцида армян был чреват и негативными последствиями, ибо переводил вопрос, как того хотели сами организаторы геноцида армян, в плоскость религиозных отношений, в то время как речь шла о признании действий султанского правительства преступными на основе общечеловеческого критерия.

В пользу такого общечеловеческого, а не религиозного подхода говорило не только то, что соучастником геноцида выступали христианские Германия и Австро-Венгрия, объявленные султаном-халифом «друзьями ислама», но и то, что уже тогда турецкое правительство не ограничивалось геноцидом армян, распространяя преследования на мусульманские народы — арабов и даже на курдов.

Соответствующее изменение текста декларации было согласовано в ходе его дальнейшего обсуждения, осуществлявшегося по дипломатическим каналам. Уже 20 мая 1915 г. «в ответ на ноты, многократно адресованные его превосходительством послом России по вопросу о преследованиях и избиениях армян, жертвой которых снова стало армянское население определенных вилайетов Турции»[1], министр иностранных дел Франции сообщил ему, что «французское правительство готово опубликовать в Париже декларацию, текст которой был сообщен ему его превосходительством г-ном Извольским в его ноте от 11 мая». Вместе с тем, «в виду существующей для французского правительства необходимости щадить чувства мусульманского населения, которое живет под его суверенитетом», министр иностранных дел Франции высказывал мнение, что слова «против христианства и цивилизации» во втором параграфе предложенного текста «могли бы беспрепятственно исчезнуть». Мотивировалось это тем, что указанные слова «могли бы создать представление, будто интересы Франции в отношении Турции связаны только с христианским населением»[2].

Французское правительство постаралось заручиться поддержкой в этом вопросе со стороны английского правительства. В тот же день, 20 мая 1915 г., сообщая английскому послу о своей готовности «опубликовать эту самую декларацию», французский министр иностранных дел предложил опустить из ее текста слова «против

[1] Вскоре после этого акты геноцида были распространены на всю территорию империи.

[2] Ibid., № 35, p. 26-27.

христианства и цивилизации». Убеждая английское правительство согласиться с его поправкой, французский министр рассчитывал, что соображения колониальной политики, которыми руководствовалась Франция, будут приняты во внимание и Британской империей: «Заинтересованность в том, чтобы пощадить чувства мусульманского населения, проживающего под суверенитетом Франции и Англии, убедит, без сомнения, британское, так же как и французское правительство, в целесообразности воздержаться от указания, будто интересы двух держав находятся на стороне христианских элементов». Передавая через английского посла Э. Грею свои соображения, Делькассе просил сообщить, одобряет ли британское правительство «идею модификации задуманной декларации в указанном смысле»[1].

Предлагая по взаимной договоренности заменить или опустить христианско-этическую оценку этого преступления, Англия и Франция явно исходили из того, что, поскольку преступление совершалось правительством турецкого султана, являвшегося одновременно и главой всех правоверных по отношению к армянам-христианам, против которых была объявлена «священная война» — джихад, то все мусульмане подвластных им стран будут руководствоваться лишь чувствами религиозного фанатизма и не смогут дать правильной общечеловеческой оценки этому уголовному преступлению, совершенному с политическими целями.

Если судить по реакции некоторых мусульманских лидеров Индии — духовных «отцов» нынешнего Пакистана, то, вероятно, можно было бы сказать, что для этих соображений были известные основания. Следует, однако, иметь в виду, что эта их реакция была результатом тайной работы не только турецких агентов, но и соответствующих властей и служб самой Англии, правящие круги которой использовали ими же созданное «мнение» мусульман для таких политических решений территориальных и иных аспектов армянского вопроса, которые были направлены на ослабление русского или советского влияния в заповедных районах английского империализма и колониализма.

21 мая 1915 г. английский посол передал французскому министру иностранных дел предложение принять текст с исключением слов «христианства и», в результате чего истребление армян квалифицировалось бы как преступление «против цивилизации». Кроме того, в последнем параграфе, где говорилось о привлечении к ответственности представителей правительства, причастных «к резне армян», предлагалось говорить о причастности к «подобной резне». Это положение вводило определенную степень обобщения, указывая, что наказуемы не только резня армян, но и всякая «подобная резня». В конце сообщения посол от себя добавлял, что

[1] Ibid., № 34, p. 26.

он телеграфно запросил Грея о возможности изъятия всей фразы «против христианства и цивилизации», как это было предложено французским министром накануне[1].

В тот же день, 21 мая 1915 г., английский посол сообщил, что Грей соглашается с предложением Делькассе опустить всю фразу[2]. Принятие этого предложения выхолостило бы юридический смысл совместной декларации, и поэтому 24 мая 1915 г., в день, согласованный для опубликования декларации в трех столицах, российский посол в Париже Извольский получает указание своего министерства «срочно» довести до сведения французского министра иностранных дел телеграмму с недвусмысленным изложением позиции России: «Императорское правительство согласно заменить формулу «против христианства и цивилизации» словами «против человечества и цивилизации» и закончить декларацию, как того желает сэр Эдвард Грей, словами «к подобной резне» вместо «к резне армян». Хотя российское министерство иностранных дел выразило готовность опустить слова, вызвавшие возражение, оно дало понять, что это принято только как крайняя мера — с целью не сорвать опубликование декларации 24 мая, и выразило «надежду, что кабинеты Парижа и Лондона примут внесенное им изменение»[3].

Благодаря настойчивости России эта формула была принята, так как она не оставляла никаких политических оснований для прежних возражений и была полностью обоснована с точки зрения международного права. В результате 24 мая 1915 г. Декларация была одновременно опубликована в Париже, Лондоне и Петрограде. Окончательный официальный текст Декларации правительств трех стран гласил:

«В течение всего последнего месяца в Армении происходит резня армян курдами и турками при явном попустительстве, а иногда и при прямом содействии оттоманских властей. В половине апреля н. ст. резня армян имела место в Эрзеруме, Дергане, Эгине, Битлисе, Муше, Сасуне, Зейтуне и во всей Киликии; поголовно вырезаны жители сотен деревень в окрестностях Вана; в самом Ване армянский квартал осаждался курдами. В то же время константинопольское турецкое правительство подвергает аре[illegible] небывалым притеснениям мирное армянское население.

Ввиду этих новых преступлений, совершаемых Турцией против человечества и цивилизации, союзные правительства России, Франции и Англии сим публично объявляют Порте, что они возлагают личную ответственность за эти преступления на всех членов турецкого правительства, а также на тех его местных представителей, которые окажутся причастными к подобной резне»[1].

Юридический анализ этого документа убедительно раскрывает его чрезвычайно важное значение не только с точки зрения квалификации преступления геноцида армян, но в общем плане борьбы против этого преступления.

Прежде чем дать оценку действиям турецкого правительства как «преступления против человечества и цивилизации», авторы документа излагают эти действия, определяя тем самым сам состав преступления. Указывая на массовые убийства армян, совершавшиеся на основании их национальной принадлежности, и говоря о преступном характере «подобной резни», авторы Декларации подчеркивали тем самым, что в ней речь идет о применении к конкретному случаю резни армян общего нормативного положения международного права. В документе четко определяется отношение к этим массовым убийствам армян самого турецкого правительства не только как «попустительство», но и как «прямое содействие». Принципиально важное значение имеет указание на то, что происходят «новые преступления». Тем самым, во-первых, указывается, что прежние акты массового уничтожения армян тоже составляли преступление, и, во-вторых, подчеркивается тесная связь новых преступлений геноцида армян с прошлыми актами геноцида этого народа.

Семантически определение геноцида как «преступления против человечества» наводит прежде всего на мысль, что объектом этого преступления является не только та человеческая группа, которая стала непосредственной его жертвой, но и все человечество. События, последовавшие за квалификацией геноцида армян как «преступления против человечества», полностью подтвердили обоснованность такой оценки. И это не только по той причине, что физическое уничтожение любого народа — это уничтожение части рода людского, не только потому, что посягательство на жизнь армянского народа, внесшего крупный вклад в развитие человеческой цивилизации, представляло посягательство на само человечество и его цивилизацию. Дело еще и в том, что геноцид армян сказался непосредственно на судьбах многих других народов Европы и мира. Это преступление имело неисчислимые последствия для всего человечества, в том числе и для народов, непосредственно причастных к геноциду армян, — для курдов, бывших слепым

[1] Ibid., № 36, p. 27.
[2] Ibid., № 37, p. 27-28.
[3] Ibid., № 40, p. 29.

[1] «Свет», № 124, 13 мая 1915 г. Текст воспроизведен в кн.: Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов. Под редакцией М. Г. Нерсисяна. Второе, дополненное издание. Ереван, 1983, стр. 601—602, прим. 26. См. также: Les Grandes Puissances, l'Empire Ottoman et les Arméniens..., № 41, p. 29.

орудием в руках турецкого государства, и даже для самих турок — господствующей нации империи.

Смысл квалификации геноцида как «преступления против человечества» не ограничивается указанием на тяжесть и масштабность этого преступления, его общечеловеческие разрушительные последствия. Чрезвычайно важное с правовой точки зрения значение этого определения связано с заложенным в нем постулате об ответственности и неотвратимости наказания. С точки зрения юридической Декларация примечательна тем, что с квалификацией геноцида армян как «преступления против человечества и цивилизации» она связывает личную уголовную ответственность за это международное преступление всех членов турецкого правительства и его местных представителей, причастных к резне армян. Тем самым Декларация положила начало утверждению в международном масштабе личной уголовной ответственности физических лиц. При этом она явно и недвусмысленно отвергает возможность ссылки на доктрину «акта государства», согласно которой деяния, совершаемые государственными органами, инкриминируются собственно государству, что исключает ео ipso индивидуальную вину физических лиц, являющихся исполнителями этих деяний[1]. Согласно Декларации официальное положение лиц, виновных в геноциде армян, являются ли они членами правительства или его представителями на местах, не может рассматриваться как оправдательное обстоятельство или как основание для смягчения наказания.

Следует отметить также, что помимо установления ответственности турецкого правительства международно-правовая квалификация геноцида армян как преступления против человечества неизбежно влекла также и признание обязанности международного сообщества государств и прежде всего тех, которые подписались под Декларацией или признали данную в ней оценку, обеспечить правосудие, возможно более полное устранение последствий этого преступления, восстановление права и справедливости.

Формально-юридическое значение имела и заблаговременная официальная нотификация турецкого правительства о международно-правовой квалификации его действий как преступления и их наказуемости. Тем самым отвергалась всякая возможность в дальнейшем ссылок на незнание последствий своего преступления.

Эта нотификация была осуществлена через нейтральные Соединенные Штаты Америки. В соответствии с предписанием министра иностранных дел Франции Делькассе, сохранившимся на архивном экземпляре Декларации, копия ее вместе с нотой министра от 25 мая 1915 г. была послана послу США в Париже Уильяму Шарпу

[1] **Antonio Planzer.** Le crime de génocide (thèse). St. Gallen, F. Schwald A. G., 1956, p. 135.

с просьбой, чтобы его правительство «по обычным каналам» срочно довело их до сведения оттоманского правительства[1].

В результате официальной нотификации турецкое правительство, продолжая геноцид армян, знало, какую международно-правовую квалификацию дает мир его действиям, знало об уголовной наказуемости совершаемого им преступления и о международной ответственности самого турецкого государства.

Таким образом, квалификация геноцида армян как преступления против человечества основывается не только на сопоставлении объективно установленных фактов с существующим определением состава этого преступления, но и на том, что именно геноцид армян впервые в истории этого преступления был квалифицирован expressis verbis — как преступление против человечества по международному праву.

Содержавшаяся в Декларации международно-правовая квалификация геноцида армян как «преступления против человечества» впоследствии неоднократно подтверждалась не только ее авторами — главными союзными державами, но была поддержана и другими государствами[2].

С признанием геноцида армян тягчайшим международным преступлением были сопряжены далеко идущие политические и правовые последствия. Союзные державы перед всем миром торжественно и официально обещали наказать преступников — виновников мучительной гибели 2 миллионов ни в чем не повинных мужчин, женщин и детей; обещали восстановить попранное право и справедливость в отношении армянского народа — жертвы этого преступления. Идея международной ответственности турецкого государства должна была лечь в основу послевоенного мирного урегулирования. Преступление, совершенное турецким государством, окончательно порвало юридические связи между ним и его армянским населением, лишило Турцию каких-либо международно-правовых оснований для сохранения государственной власти

[1] Les Grandes Puissances, l'Empire Ottoman et les Arméniens..., № 45, p. 31.

[2] Оценка геноцида армян как «преступления против человечества» была сразу же воспринята и доктриной международного права, оказав большое влияние на ее развитие в этой области. В этой связи прежде всего следовало бы указать на курс русского юриста-международника А. Мандельштама «Международная защита прав человека», изданный Академией международного права в Гааге, а также на другие его труды, специально посвященные армянскому вопросу (**André N. Mandelstam.** La protection internationale des droits de l'homme.— Académie de droit international. Recueil des cours. 1931. IV. Tome 38 de la Collection, p. 152-154; —La Société des Nations et les Puissances devant le probleme arménien. Pedon, Paris, 1925; Das Armenische Problem in Lichte des Völker- und Menschenrechts, aus dem Institut für internationales Recht an der Universität Kiel. Heft 15, 1931).

над армянским народом. Мир исходил из того, что геноцид не мог породить для государства, совершившего это тягчайшее международное преступление, каких-либо прав или преимуществ. Допущение противоположного означало бы не только отрицание самой идеи права, но было бы противно самым элементарным представлениям о справедливости в международных отношениях.

С квалификацией геноцида армян как преступления по международному праву была связана и постановка вопроса о подсудности этого преступления международному суду, учреждение которого предусматривалось в рамках мирного договора. То обстоятельство, что правосудие не состоялось, что предполагавшийся международный судебный процесс над турецкими организаторами и исполнителями геноцида армян не стал ни первым, ни последним судебным процессом над виновниками этого тяжкого преступления против человечества, объясняется отнюдь не тем, что оно не сознавалось или не было необходимости в нем, или что не было необходимой юридической основы для установления уголовной ответственности физических лиц — организаторов и исполнителей этого преступления. Напротив, изучение вопроса со всей очевидностью показывает, что была и соответствующая правовая основа в виде признания геноцида международным преступлением против человечества, было и сознание мировой общественностью необходимости сурового наказания виновников этого преступления и возможно более полной и скорой ликвидации его последствий. Не было только необходимых политических условий, поскольку и тогдашние вершители судеб мира — державы Антанты, и молодое Советское государство интересы правосудия и восстановления права и справедливости принесли в жертву своим политическим интересам, вступили в позорный сговор с преступниками, используя права и интересы беспомощной, несчастной жертвы преступления как разменную монету в политической игре.

Тем не менее, квалификация геноцида армян как преступления против человечества уже в то время, когда он осуществлялся, и впервые в истории этого международного преступления имеет принципиальное, основополагающее значение для квалификации в качестве преступления против человечества по международному праву всех случаев геноцида, совершенных до вступления в силу Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него или совершаемых теперь государствами, не являющимися ее участниками.

Для понимания значения и места Декларации 24 мая 1915 г. по вопросу о геноциде армян в истории борьбы против этого международного преступления уместно сравнить ее с аналогичной по содержанию и целям Декларацией трех великих держав — СССР, Англии и США об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства, опубликованной в Москве 2 ноября 1943 г. Это заявле-

ние, сделанное по инициативе СССР, стало первичной юридической основой всех дальнейших действий, направленных на наказание фашистских преступников за геноцид и другие преступления против человечества. На его основе было заключено специальное соглашение и создан Международный военный трибунал. Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками фашистской Германии стал первым в истории международным процессом по делам о преступлениях против человечества, включая преступление геноцида. Суд народов в Нюрнберге осудил преступления не только фашистских палачей, но и их вдохновителей и учителей — организаторов и исполнителей геноцида армян.

РЕЗЮМЕ

Геноцид армян полностью соответствует составу этого международного преступления и подпадает под его определение в международном праве. Те, кто выступают в качестве преемников и защитников этого преступления, пытаются снять ответственность за геноцид армян с турецкого государства. Не имея возможности скрыть объективные и общеизвестные факты или оправдать эти действия соображениями «государственной безопасности» и «правом на самосохранение», которые ясно и недвусмысленно отвергаются международным правом, они пытаются прикрыться «правовыми» аргументами чисто формального характера. С этой целью они утверждают, что турецкое государство не могло совершить преступления геноцида, т. к. само это понятие возникло позднее и его наказуемость была установлена лишь с вступлением в силу в 1955 г. Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

Отрицая правомерность квалификации физического уничтожения турецким государством армянского населения в 1878—1922 гг. как преступления геноцида, тем самым отрицают и правомерность такой квалификации и в отношении всех других случаев массового уничтожения национальных групп, совершенных до даты вступления в силу этой Конвенции, включая и исторический факт уничтожения фашистской Германией 12 млн лиц славянского и еврейского происхождения. Такой подход опровергается как Нюрнбергским и другими процессами над нацистскими преступниками, так и самой Конвенцией.

Те нормы международного права, которые были применены при оценке действий фашистской Германии в отношении евреев и славянского населения Восточной Европы, применимы и к оценке идентичных по содержанию действий турецкого государства в отношении армян. Это подтверждается не только логическим умозаключением по аналогии, в силу полного сходства правовой ситуации, но и конкретным международно-правовым инструментарием, прямо и непосредственно относящимся к геноциду армян.

Хотя термин «геноцид» вошел в оборот уже после завершения процесса физического уничтожения армянского народа во всей Западной части Восточной Армении, на самом деле как сам термин, так и определение состава этого преступления тесно связаны именно с геноцидом армян. Термин «геноцид» представляет собой всего лишь греко-латинскую кальку с определения действий турецкого государства в отношении армян как «убийства целой нации», которую единодушно давал весь мир. Геноцид армян впервые в истории был квалифицирован expressis verbis — как преступление против человечества в Декларации главных союзных держав от 24 мая 1915 г. В принятии этого документа, имеющего основополагающее значение в борьбе против этого тяжелого преступления, важную, хотя до сих пор еще не оцененную по достоинству роль сыграла Россия.

Юрий Георгиевич Барсегов

ГЕНОЦИД АРМЯН — ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

(о правомерности термина и юридической квалификации)

Издательский редактор **А. Л. Хармандарян**
Художник **А. М. Цатурян**
Художественный редактор **Д. А. Папоян**
Технический редактор **Г. Б. Нагапетян**
Контрольный корректор **Р. Б. Оганесян**

ИБ 7105.

Сдано в набор 4.04. 1990 г. Подписано к печати 24.04.1990 г. ВФ 05070 Печать **высокая**. Бумага тип. № 2. Формат 60×84¹/₁₆. Гарнитура «Литературная» **Тираж** 50000. Заказ 549. Цена 30 коп.
1,86 Усл. печ. л. 1,96 Уч. изд. л.

Издательство «Айастан», 375009, Ереван-9, ул. Исаакяна, 28.

Типография № 1 Госкомитета Арм. ССР по делам издательств, полиграфии и **книжной** торговли, Ереван-10, ул. Алавердяна, 65.